Бабочка махает крыльями, и торнадо опустошает сибирские пустоши. Комар жужжит над ухом премьер-министра, и ядерный запуск сбивает Луну с орбиты. Тем не менее, несмотря на все сказанное и сделанное, мое лето в маггловском приюте было не таким уж плохим. Я наслаждался недавно обретенным уровнем свободы, имея возможность манипулировать небольшими камушками, иногда пытаясь на них встать во время их парения.

Я решил, что это вопрос равновесия. Мне просто нужен был достаточно большой плоский камень, и тогда я смог бы кататься на плавучем скейте, летая по воздуху.

Мое занятие магией прекратилось, когда я услышал, как дернулась ветка. Камень, плавающий в моей руке, сразу приземлился в моей ладони, и я несколько раз нерешительно подбросил его высоко в воздух, когда повернулся, чтобы посмотреть на того кто наблюдал за мной. Это был один из местных детей. Я посмотрел на него, а затем на камень в моей руке: "Просто подбрасываю камни", - сказал я.

"Ты чудак", - фыркнул он, а затем тоже начал бросать несколько камней в воздух. Я сделал то же самое.

Там, в тишине реки, я не стал утруждать себя вопросом, как зовут ребенка. Вероятно, в этом не было ничего важного; это была просто встреча, случайная, повседневная встреча, которая могла происходить или не происходить каждый день в жизни человека. Однажды ты встретил случайного ребенка, в другой день - взрослого. Однажды вы разговаривали с туристом, заблудившимся по дороге к знаменитому городскому памятнику, а на следующий день уставились на садовую змею, пробирающуюся сквозь подлесок.

Жизнь была наполнена случайными моментами.

Таким образом, я не придал этой встрече большого значения, и пришло время когда заместитель директора МакГонагалл сопровождала меня, чтобы забрать мои книги к началу нового учебного года.

Я был удивлен, что профессор Люпин останется преподавать на третий год, но, по-видимому, проклятие не срабатывает, если вы не отработали полный семестр учебного года. Это было великое открытие; это означало, что если все сделать правильно, то проблема с поиском преподавателей Защиты от темных искусств исчезла бы, нужно всего лишь, чтобы два разных учителя Защиты От Темных Искусств по менялись друг с другом. Это было гениально.

"Мистер Умбрус", - старая и строгая дама казалась слегка напряженной. "мы должны быть осторожны". Выражение ее лица сказало мне, что она не подписывалась на эту работу, но кто-то заставил ее сделать это. Я не понял. Однако это стало ясно, когда книга "Забота о волшебных существах" появилась в списке предметов для покупки, и глаза женщины посуровели, как у ветерана битвы, вспоминающего удары напалма во Вьетнаме.

Книга, о которой идет речь, находилась в специальной клетке. Она попыталась наброситься на волшебника, который ее продавал, и, хотя она был перевязана толстым кожаным ремнем, в значительной степени стало очевидно, что это была всего лишь временная мера, из тех, которые решались для любого магглорожденного или сироты-студента помощью профессора трансфигурации, готового превратить кожу в стальные цепи, и здоровенный висячий замок, чтобы книга не могла освободится.

"В этом нет необходимости, профессор", - сказал я, потирая корешок книги и наблюдая, как она сразу же обмякла и даже радостно замурлыкала от ласки. "Это просто испуганное маленькое существо, которому нужно много объятий, чтобы снова стать милым, верно?" -

прошептал я книге, которая радостно замурлыкала в ответ.

Заместитель директора строго посмотрела на меня, и я посмотрел на нее с сияющей улыбкой. Моя улыбка растопила бы даже сердце Ледяной Королевы Нарнии, разбила бы замерзшее стеклянное сердце Снежной королевы и заставила бы даже камень кровоточить, хотя это я немного не туда уже пошел. И моя улыбка подействовала даже на строгую МакГонагалл, и за этим было удивительно наблюдать.

"Мистер Умбрус", - сказала она, слегка опускаясь на колени, чтобы быть на уровне моих глаз. "Вы знаетте, ко скольким книгам мне пришлось трансфигурировать цепь и висячий замок только за этот месяц? Любой другой глава факультета прибегнул бы к насильственным средствам, чтобы заставить книги подчиниться, и это разрушило бы книги".

"Вы могли бы начать с меня, профессор", - ответил я с улыбкой. "Я бы с самого начала показал вам, как с ними справится. Хагрид сказал мне, что собирается стать новым учителем, так что..."

Профессор МакГонагалл вздохнула. "Почему мне не пришло в голову сначала спросить вас, мистер Умбрус?" - ее губы дрогнули в легком намеке на улыбку, но затем снова были сурово сжаты. "Что ж, тогда я очень надеюсь, что вы закончили свою летнюю домашнюю работу, потому что до начала твоего третьего курса осталось немного времени".

Я кивнул: "Да, профессор", - когда мы возвращались к "Дырявому котлу", я смутно осознал, что на обратном пути был магазин мороженого.

Это воспоминание на самом деле ударило меня, как кирпич, падающий с небоскреба. Когда я в последний раз ел мороженое? Летние месяцы в приюте не часто включали в себя вкусные замороженные лакомства, а когда это случалось, обычно они были из тех дешевых лакомств, которые можно найти купить оптом в супермаркете. Это было неплохо, но это было далеко не волшебное мороженое.

"Профессор", - сказал я нерешительно. "У меня есть галеон, который дал мне Гигантский Кальмар", - продолжил я, "Вы не против, если бы..." - я перевел взгляд с профессора МакГонагалл на кафе-мороженое, невысказанный вопрос остался без ответа лишь на краткий миг.

"Конечно, мистер Умбрус, - сказала профессор, "Почему бы и нет".

"Какой у вас любимый вкус профессор?" Я продолжил: "Это просто будет несправедливо, если я вас не угощу".

На этот раз улыбку заместителя директора не смогли остановить ни ее суровость, ни морщины на лице.

Ибо величайший акт доброты - это не дарить, когда у тебя чего-то много...

...а предлагать поделиться, когда у тебя осталось последние.

http://tl.rulate.ru/book/59653/1730502